

Азадгил Н.А.
**Страх как мифологический
мотив в эпическом
произведении (на основе
повести О. Бокеева «Крик»)**

В статье на основе повести казахского писателя О.Бокеева «Крик» анализируется проблема страха как одного из основных мифологических мотивов. Как в мифологическом, так и художественном времени страх связан с освоением неведомого мира. В повести «Крик» неведомый мир – это казахская суровая природа, горы, степь и т.п. О.Бокеев был одним из представителей творческого поколения прошлой советской литературы, считающей своим творческим достоинством найти человека. И он, как многие собратья по перу, в возможной степени старался избегать ложной романтики, пафоса искусственной героики, создания несущего идеологическое содержание положительного образа и пр. Одним из основных свойств, характеризующих его образы, является то, что они представляют собой рядовых людей.

Ключевые слова: мифологический мотив, страх, стыд, природа, образ.

Azadgil N.A.
**Fear as a mythological motif in
epic works (based on the work of
O. Bukeev «Scream»)**

The article based on the novel «Scream» of Kazakh writer O.Bokeev, analyzes the problem of the fear as one of the major mythological motifs. The fear is associated with exploration of the unknown world not only in mythological, also in artistic time. In the novel «Scream» the unknown world is – Kazakh severe nature, mountains, steppe, etc. O.Bokeev was one of representatives of creative generation of the last Soviet literature, considering to find creative advantage the person. And it as many colleagues on a feather, in possible degree I tried to avoid false romanticism, pathos of artificial heroics, creation of a positive image bearing the ideological contents and so forth. One of the main properties characterizing its images, that they represent ordinary people is.

Key words: mythological motif, fear, shame, nature, image.

Азадгил Н.А.
**Қорқыныш эпикалық
шығармаларда мифологиялық
сарын ретінде (О. Бөкейдің
«Айқай» шығармасы негізінде)**

Автор аталмыш мақаласында қазақтың көрнекті жазушысы Оралхан Бөкейдің «Айқай» повесі негізінде қорқынышты негізгі мифологиялық сарын ретінде талдайды. Мифологиялық та, сондай-ақ көркем уақыт тұрғысынан да қорқыныш белгісіз, беймәлім әлемді игерумен байланысты қарастырылады. «Айқай» шығармасындағы беймәлім әлем, бұл – қазақтың қатал табиғаты, тау, дала және т.б. Оралхан Бөкей адамды табу өз шығармашылығының жетістігі деп санаған өткен кеңестік әдебиеттің творчестволық өкілдерінің бірі. Оралхан Бөкей де кейбір замандас жазушылары сияқты жалған романтикадан, жағымды кейіпкердің идеологиялық бейнесін жасау сияқты нәрселерден алыс болды. Оралхан Бөкей сомдаған кейіпкерлердің негізгі өзіне тән ерекшеліктерінің бірі қатардағы жай еңбек адамдардың бейнесін беруі еді. Оралхан кейіпкерлері шынайы өмірдегі өзімізбен қатар жүріп, тіршілік кешкен қарапайым адамдар.

Түйін сөздер: мифологиялық сарын, қорқыныш, ұят, табиғат, бейне.

**СТРАХ КАК
МИФОЛОГИЧЕСКИЙ
МОТИВ В ЭПИЧЕСКОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ
(на основе повести
О. Бокеева «Крик»)**

Вторая половина XX века для казахской литературы развивалась как продолжение трех литературных традиций. Творческий подход к опыту, прошедшему испытание историей, во-первых, казахской мифологией и фольклором, во-вторых – казахской письменной литературой; в-третьих, мировой литературой, создало благодатную почву для создания новых образцов искусства. Естественно, все мастера, ведущие в тот период творческие поиски, не относились к литературному опыту одинаково: кто отдавал предпочтение первому, кто второму, а кто – третьему. В прозе начавшего свое художественное творчество с 60-70-х годов Оралхана Бокеева, отдававшего предпочтение мифологии, можно увидеть синтез всех 3 литературных традиций.

О. Бокеев был одним из представителей творческого поколения прошлой советской литературы, считающей своим творческим достоинством найти человека. И он, как многие собратья по перу, в возможной степени старался избегать ложной романтики, пафоса искусственной героики, создания несущего идеологическое содержание положительного образа и пр. Одним из основных свойств, характеризующих его образы, является то, что они представляют собой рядовых людей. В тот период подавляющее большинство мастеров, относящихся к поколению 60-70-х годов (например, в азербайджанской литературе Анар, Эльчин, И. Меликзаде и др.), главных героев своих произведений выбирали среди рядовых людей.

Однако О.Бокеев своих героев описывал в сравнительно ином месте. Вернее, выбирали простых людей, живущих в отличных от нормативных жилых приютов местах, героями своих романов, повестей и рассказов. Описываемая им суровая, жестокая природа, не знающая, что такое послабления, милосердие, на самом деле, является особым типом природы. То есть представляет собой место, где люди живут не в удовольствие, а когда живут, волей-неволей вынуждены принимать в расчет воздействие природы в той или иной степени на жизнь, судьбу.

Характерные черты этого места и прожитой людьми жизни придали эпическому миру О. Бокеева мифологический дух и характер. С самого начала надо подчеркнуть, что писатель во многих своих произведениях не ставил перед собой цели соз-

дать мифологический настрой. Образование мифологического слоя и настроения между природой и человеком обусловили взаимоотношения. В городе человек, несмотря на большую пользу и потребность, бессилен перед продукцией технического прогресса. Человек же, живущий процесс прямого общения с природой в месте стирания границы между природой и культурой, бессилен перед природой.

Человек, как правило, волей-неволей боится события, явления и пр., перед которым бессилён. «Страх – самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самое древнее и сильное чувство страха – это страх перед неизвестностью» [1]. Предметы, что увидел с момента прихода в светлый мир первый человек, живые и неживые существа вызывали у него изумление и страх. Самыми простыми способами избавления от страха, освобождения от изумления, являются либо знание его строения, сущности, функции, или же объяснения в утешающей форме.

Оба явления – и страх, и изумление – связаны непосредственно с мифологией. «Аристотель подчеркивал, что «изумление сподвигает человека на философствование», в то же время добавлял, что мифология начинается с изумления» [2, 58]. Изумление же возникает не только от радости, но и, в то же время, и от страха. Необходимо принять во внимание, что в первом человеке изумление по поводу неизвестности порождало именно страх. Сам по себе страх еще не означает возникновение мифологии. «Страх еще не придает начало мифологии, до усвоения страха остается чуждым. Мифология начинается с места освоения страха, познания его параметров, его возможностей навредить человеку» [2, 59].

Мифология, формирующаяся на раннем этапе на основе страха (и изумления тоже), с созданием культуры постепенно в обществе и межчеловеческих отношениях начинает обретать регулирующую функцию, обладающую специфической системой запретов. Увязывающий регулирование со страхом и стыдом (стеснением) Ю. Лотман различал их с позиции воздействия на «нас» и «их». «Культурное «мы» представляет собой коллектив, где функционируют нормы стыда. Страх и необходимость определяют наше отношение к «другим»» [3, 664]. Все это, в действительности, характерно для этапа после страха. Прежде чем философствовать, человек постарался обеспечить свою первоначальную безопасность, в первую очередь, приложил усилия для внесения ясности в свои отношения

с природой. Специфичной чертой мифологии, а также являющейся составной частью мифологии чувства страха, является ритмическое повторение. Говоря иными словами, страх, что пережили отцы, переживают и сыновья, но переживают страх, то есть испытывают страх из-за другого явления, ситуации, предмета.

Писатель большинство своих героев описывает на фоне суровой природы. В его произведениях, в том числе повести «Крик», природа не только место естественности, девственности, не адаптированное культурой к своим законам. В описании писателя природа представляет собой неведомое, которая неизвестно заранее какую жестокость реализует, а, следовательно, и источник страха. «Бокеев всегда пытается вырвать человека из обжитой среды, помещает его опустившегося, усталого, в невзгодах и муках в лоно матери-природы и ожидает его исцеления. Вначале одинокий казах удовлетворен своей свободой, но проходят годы, его силы слабеют и в этот момент черные идолопоклоннические страхи властвуют над его душой, путают его разум и мысли, и желанная свобода превращается в тюрьму, ясные горы, обычно, превращаются не в пристанище его желаний, а в проклятие» [4, 319]. Герой повести «Крик» Аман является начальником отдела совхоза «Труд». Аул, которым он руководит, находится в ущелье, окруженном горами. События в месте, названном со слов одного из образов «аулом мертвецов», происходят зимой. Выбор зимнего сезона в повести не случаен. С одной стороны, зима является одним из основных сезонов, позволяющих проверить людей на прочность природой. На аул навалило столько снега, что «...люди задыхаются в объятиях великой тишины». У расположенного в ущелье горы аула был столь непонятный и жалкий вид, словно аул со всеми его делами внезапно захватил не снег, а накрывающие его плотным снежным покровом черные силы, и видимые из-под этого снега, до вчерашнего дня имеющие значение и смысл, сейчас производят впечатление просто жизненного мусора» [5, 6]. Следовательно, по предположению образа, снег, зима связаны с черными силами. То есть во время смерти природы и аул превращается в аул мертвецов. А живущие с мифологической верой люди уверены, что как все мертвые воскресают, так и природа зимой умирает, а весной оживает (см.: 6). Аман в безжизненное время природы и аула отправляется в путь, его цель заключается в том, чтобы оказать помощь табунщикам, говоря иными словами, в даче надежды потерявшим

шансы по сравнению с сохранившимися шансы ожить в ауле в мертвый сезон.

В повести от образов-участников Аман отличается лишь задачей. В этом случае, естественно, он людям надежду ожить дать не может. А для достижения миссии, в первую очередь, он сам должен обрести подобный статус. Образ отправляется в путь, цель внешне проста: оказание помощи людям и табуны в кишлаке в выходе в весну. Но до выхода из дома сообщает отцу, что пойдет, пройдя кратким путем – через Чертов мост.

Дорога представляет собой одно из особых, имеющих символическое значение мест в мифологии, фольклоре и письменной литературе. В мифологии «постоянной и неразрывной особенностью дороги является его трудность. Дорога строится на основе угрожающей и регулярно усложняющейся и становящейся опаснее линии для мифологического героя-путника, поэтому и преодоление Дороги есть геройство, самоотверженность...». Самой важной частью пути же является «мост, его прохождение требует от героя-путника отваги, изворотливости и умения» [7, 352]. В повести «Крик» самой опасной частью дороги является именно Чертов мост. Чать пути до Чертова моста покрыта снегом, очень сложнопроходимым для человека, часть пути состоит из опасных перевалов. Однако Аман полон решимости пройти этот путь. А этому есть несколько причин. Во-первых, мост является границей. Хотя по эту сторону моста находится «аул мертвецов», надежды ожить у них достаточны. Другая сторона моста – место, где остаются табунщики, представляет собой место, потерявшее надежды выжить без чужой помощи. Следовательно, переход Чертова моста означает смерть и воскрешение, победу над чертом, в итоге выполнить миссию воскреснуть.

Во-вторых, Чертов мост представляет собой в ауле источник страха и критерий подтверждения храбрости и мужества. Не принимая в расчет сказанное в ауле, можно увидеть реальность всего этого на примере одной семьи.

Узнавший о желании сына перейти этот мост отец волнуется, начинает беспокоиться («Только бы он перешел Чертов мост без страха» – [5, 39]), и в то же время в невыразимой степени внутренне радуется. У него есть основание для подобной радости. Некогда, точнее за 30 лет до этого, сам Аспан в ужасную снежную и ураганную ночь попытлся перейти Чертов мост, пробыв долгое время под снежной лавиной, в шахте, ледяной реке, потерял обе ноги.

Несмотря на его инвалидность, в ауле ему оказывают особое уважение и почтение. Аспан является первым жителем аула, попытавшимся перейдя Чертов мост, преодолеть страх, годами господствующий над существованием, сознанием и верой всех окружающих. Аспан, похоронивший отрезанные свои ноги на кладбище возле могилы отца, на самом деле хоронит свои мечты жить жизнью нормального человека. Однако дает аульчанам веру в возможность преодоления страха. Отец, сын и внук беседуют. Дед говорит, что когда наступали ноябрьские холода, мы перезимовывали на Алатае. Внук спрашивает о том, поедут ли и они туда, и перейдут ли при этом через Чертов мост. Дед, имея в виду Чертов мост, спрашивает:

- Откуда ты знаешь о нем?
- Все ребята говорят о нем. Хотят перейти мост.
- Зачем?
- Для того, чтобы стать настоящими джигитами. Настоящим является тот джигит, который перешел Чертов мост как ты [5, 13].

Дорогу деда предполагают продолжить сын и внук. Поскольку Аман, как и отец, уверен, что «в жизни у каждого человека однажды возникает Чертов мост. И прохождение его. Только неустрашимый человек может живым и здоровым перейти на другой берег» [5, 69]. Чертов мост, с одной стороны, является средством изображения в психологическом плане духовно-нравственного усовершенствования человека. Как и Аспан, и Аман смог победить себя, невыразимый страх внутри себя. У страха есть реальное основание, как минимум, судьба его отца принуждает его серьезно относиться к страху в самом себе.

С другой стороны, Чертов мост представляет собой один из различных форм отображения вечного мифологического верования. Страх в мифологическом понимании напрямую связан и с отчужденностью. Поскольку отчужденность является освоенной неизвестностью, всегда выступает в качестве источника страха. Отчужденность связана не только с человеком, но также и с местом. Родным пространством является космос, поскольку освоен и регулируется всем известными нормами. Чуждое же пространство представляет собой хаос, так как «является центром хаоса, смерти, беспорядка» [2, 26] и в комплексное представление «отчужденность» входит все, что порождает опасность, страх» [2, 29]. Как и для отца, и для Амана это такое же чуждое место. «И в этот момент Аман понял, что перед этим Чертовым мостом, называемым водораз-

делом жизни и смерти, оцепенел не он сам, его отец, сын, предки, его будущие внуки» [5, 91]. Аман не хочет уходить, оставив своему сыну, будущим внукам страх, он хочет привить своей деятельностью, делом, судьбой веру в возможность избавления от страха.

Аман доказывает, что страх не в существовании Чертового моста, а в первую очередь, в самом человеке, в его сознании, вере. Пройдя Чертов мост, он с уверенностью указывает, что человек должен бояться лишь самого себя, и человек должен верить себе, другим. Любопытно, что когда он выходит на дорогу, составляющую смысл его жизни, судьба выбирает ему товарищем чуждого Эркина. И Эркин чужак, потому как прибыл из чужого края, следовательно, и он потенциальный источник страха. Поэтому Аман не дает своего согласия на выход сестры за него замуж.

В кишлаке, где остановились для отдыха, Аман, продолжая путь, хочет взять себе товарищем одного из своих родных – Алкена, не подпускает близко медноусого, поскольку, будучи источником страха, медноусый является чужаком среди родных. В итоге он продолжает путь вместе с Эркином, постепенно узнаваемый им чужак перестает быть источником страха и превращается в одного из родных. Это подтверждает и приведение Аманом цитаты из Эркина после прохождения Чертового моста.

В конце концов, Аман достигает своей цели. Одна из основных его целей заключается в избавлении от страха, другая – повторение судьбы отца. Повторение же судьбы отца означает именно победу пережитого Аспаном, им самим страха: «Эй! Я прошел Чертов мост, я, Аман, табущик, сын Аспана! Я ничего не боюсь. Самое страшное, что меня ожидало – это повторение судьбы моего отца. Моего отца! Моего отца! Своего отца! Я не боюсь её повторить, она священная!» [5, 91]. Для прозы О. Бокеева, в том числе и повести «Крик», характерно творческое использование мифологических мотивов. Для него миф это и целевое средство художественного выражения, и возможность, осозная, осветить актуальные проблемы жизни, внутренний мир человека со всей его противоречивостью и сложностью.

Заключение. В произведениях О. Бокеева, особенно повести «Крик», использование различных мифологических мотивов представляет собой характерную черту. В повести «Крик» мифологическая вера в страх превращается в один из основных средств освещения духовно-нравственного усовершенствования людей.

Научная новизна. Впервые в азербайджанском и казахском литературоведении проза О. Бокеева, в том числе повесть «Крик», изучается в систематической форме в свете мифологической веры в страх.

Литература

- 1 Лавкрафт Ф.Г. Сверхъестественный ужас в литературе // http://lib.ru/inofant/lavkraft/sverhestestvennyj_uzhas_v_literature.txt
- 2 Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 111 с.
- 3 Лотман Ю.М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры / В кн.: Ю.М. Лотман. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – С. 664-666.
- 4 Личутин В. Между небом и землею... // Бокеев О. След молнии. Повести и рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 320 с.
- 5 Бокеев О. Крик. – М.: Советский писатель, 1984. – 336 с.
- 6 Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. – Т. 2. – М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 2008. – 719 с.

References

- 1 Lavkraft F.G. Sverhestestvennyj uzhas v literature // http://lib.ru/inofant/lavkraft/sverhestestvennyj_uzhas_v_literature.txt
- 2 Pivoev V.M. Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniya mira. – Petrozavodsk: Kareliya, 1991. – 111 s.
- 3 Lotman Yu.M. O semiotike ponyatij «styd» i «strax» v mexanizme kultury / V kn.: Yu.M. Lotman. Semiosfera. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2001. – S. 664-666.
- 4 Lichutin V. Mezhdubom i zemleyu... // Bokeev O. Sled molnii. Povesti i rassказы. – M.: Molodaya gvardiya, 1978. – 320 s.
- 5 Bokeev O. Krik. – M.: Sovetskij pisatel, 1984. – 336 s.
- 6 Mify narodov mira. Enciklopediya v 2-x tomax. – T. 2. – M.: Bolshaya Rossijskaya enciklopediya, Drofa, 2008. – 719 s.